

Шаги замерли перед дверью кабинета Чжао Миня, и ассистент, проявив тактичность, остался снаружи.

Отремонтированный в строгом и ясном ключе кабинет — в контрастных черно-белых тонах — полностью отражал вкусы Чжао Миня. На широком столе стояли лишь компьютер и ноутбук.

Чжао Минь оттолкнул назад офисное кресло и сдержанно уселся во главе стола. Одной рукой он слегка закатал рукав, зажал между пальцами визитку, достал перьевую ручку и левой рукой вывел ряд цифр.

С самым естественным видом он произнес:

— Номер телефона. Если возникнут какие-то вопросы, можешь звонить мне напрямую.

Цзян И бросил взгляд на карточку — судя по всему, это был личный номер. Он отказался:

— Секретарь уже дала мне его.

— Рабочая линия часто бывает занята.

Цзян И по-прежнему не взял визитку, лишь с улыбкой, в которой читалась насмешка, посмотрел на него.

Как раз в этот момент секретарь внесла легкие закуски. Перед Цзян И поставили фруктовую тарелку, разделенную на четыре сектора, а рядом — чашку источающего аромат черного чая. Когда-то он и впрямь обожал персики с черным чаем.

Взгляд Чжао Миня задержался на фруктах, и он негромко произнес:

— Персики.

— Не ем, — коротко и отрезал Цзян И, даже не взглянув на злосчастный фрукт.

Чжао Минь поправил очки и смущенно отвел взгляд.

Цзян И не желал вести с ним долгих разговоров, а потому сразу перешел к делу:

— На сегодня есть планы?

Чжао Минь явно растерялся.

— Только не пойми неправильно, — Цзян И улыбнулся и пояснил: — Я отобрал инвесторов из списка, что ты прислал. Встретимся с ними?

— Можно и в другой день, — голос Чжао Миня слегка осип.

— С господином Ли сложно договориться о встрече, но сегодня он в Чунцине.

— Как скажешь.

Чжао Минь сохранил невозмутимый вид и тяжело вздохнул.

Компания Чжао Миня уже подошла к этапу пре-раунда оптимизации структуры. Он вполне мог выйти на IPO самостоятельно, но «Фэнхэ» была молодой компанией, которой всё еще требовалась поддержка авторитетного игрока в качестве надежного тыла.

Деловой ужин был назначен на восемь часов, а местом встречи Чжао Минь выбрал «Палм-Айленд».

В отдельном кабинете Цзян И слегка покачивал декантер; красное вино источало терпкий аромат шоколада и ягод.

Спустя долгое время он неожиданно опустил бутылку на стол и поманил Чжао Миня пальцем.

Чжао Минь бессознательно подался вперед, и его плащ скользнул по краю стола.

— В багажнике моей машины есть бутылка «Петрюса». Сходи принеси.

Молча приняв ключи, Чжао Минь спустился на подземную парковку.

Всё такой же послушный.

Один за другим стали подтягиваться инвесторы. Застолье сопровождалось тостами и обменом бокалами; переговоры о финансировании шли гладко, а атмосфера постепенно теплела.

Кто-то с улыбкой спросил Цзян И, не были ли они знакомы еще со времен университета. Цзян И с улыбкой поднял бокал:

— Знакомы. Звездный старшекурсник с моего потока, за именем которого тянулась целая гирлянда наград. На том самом международном конкурсе он взял первое место.

Правда ведь, старший брат?

Чжао Минь опустил глаза, коротко угукнул и больше ничего не добавил.

Когда вино обошли уже круга три, сидевший рядом инвестор принялся нахваливать Чжао Миня, говоря, какой тот молодой и перспективный. Казалось бы, чистой воды похвала, но лицо Чжао Миня едва заметно изменилось, а собеседник после этого заговорил еще более заискивающе.

Цзян И покачивал бокал, мысленно ухмыляясь.

Выйдет компания Чжао Миня на биржу или нет, она всё равно останется гигантом. Он никогда не испытывал недостатка в инвесторах — ему просто было лень проверять, не доставят ли эти компании лишних хлопот.

Цзян И знал, что Чжао Минь не мастер красивых слов. Будучи технарем до мозга костей, он всё делал по правилам, порой проявлял излишнюю принципиальность и страдал тяжелой формой брезгливости — даже нижнее белье дома раскладывал строго по цветовому градиенту.

Его распорядок дня тоже отличался неизменной педантичностью: в шесть утра Чжао Минь вставал, чтобы читать научные статьи и готовиться к конкурсам, в семь начинал готовить завтрак, в семь тридцать звал его подниматься... а ровно в полночь ложился спать. Конечно, когда они предавались страсти особенно часто, засыпать под три-четыре часа ночи тоже случалось нередко, но на следующий день он, как штык, сидел на диване и углублялся в литературу.

Весь вечер Чжао Минь прикрывал его от избытка выпивки, и сейчас сидел с идеально прямой спиной, а его вполоборота освещенное лампами лицо казалось чужим и отрешенным. Как же сильно он изменился.

Когда вечер подошел к концу, толпа инвесторов всё еще вилась вокруг Чжао Миня, не переставая рассыпаться в любезностях.

Дождь продолжал идти.

Приближаясь, Чжао Минь почти не издавал звуков.

От него веяло легким запахом алкоголя, кончики волос слегка отсырели от дощанго тумана. Застыв в ореоле желтоватого света уличного фонаря, он казался неожиданно мягким.

Кадык Чжао Миня дергнулся, и он тихо произнул:

— Пошел дождь.

— Мм? — Цзян И поднял взгляд, в котором читался хмель. — У директора Чжао еще есть дела?

— Я подброшу тебя, — сказал Чжао Минь.

— Не стоит, — холодно бросил Цзян И, окинув его беглым взглядом.

Смягчив голос, Чжао Минь произнес:

— Мне по пути.

Цзян И с улыбкой покачал головой и, деланно вздохнув, пояснил:

— Кое-кто может приревновать, если узнает.

Чжао Минь нахмурился, не успев даже ничего спросить.

К тротуару подкатил автомобиль. Цзян И распахнул дверцу, а затем лихо захлопнул ее за собой.

Устроившись на заднем сидении, Цзян И бросил взгляд в зеркало заднего вида: одинокая фигура Чжао Миня показалась ему немного жалкой.

Уголки его губ тронула улыбка — в этот раз он вернулся вовсе не для того, чтобы просто вести с Чжао Минем деловые переговоры.

Он вернулся, чтобы выйти замуж за своего парня.

Заметки автора:

История началась! Время от времени буду делиться фоновой музыкой.

В этой повести есть и легкая горечь, и сладость. Характеры обоих главных героев далеки от идеала, у каждого свои проблемы. Снова делаю предупреждение: гун — «чистый», а вот шоу — нет, после расставания у Цзян И были другие люди.

Глава 2. Кольцо

Ранним утром следующего дня Цзян И стоял перед зеркалом в полный рост, поправляя костюм. Сшитый по мерке серый костюм подчеркивал четкую линию талии, а лацкан украшала золотая брошь-булавка в виде цветочного букета с жемчужиной от Mikimoto, переливавшаяся слабым блеском.

К подобным вещам он всегда относился крайне придирчиво.

Вернувшись в свой кабинет в «Фэнхэ», он едва толкнул дверь, как ноздри уловил легкий аромат — всё тот же любимый лайм с базиликом. Усевшись за рабочий стол, Цзян И принялся готовить материалы к сегодняшнему совещанию.

Спустя полчаса планерка подошла к концу. Заметив, что у Чжао Миня, судя по всему, есть разговор к Цзян И, остальные предусмотрительно удалились.

В конференц-зале они остались вдвоем, и пространство сразу показалось пустым.

С полуулыбкой на губах Цзян И осведомился:

— Зачем звал?

— Кто-то оставил на ресепшн цветы для господина Цзяна, — голос Чжао Миня звучал спокойно, и он пододвинул по столу карточку. — Думаю, это тебе.

Цзян И зажал карточку между пальцами и бегло глянул на нее — в поле отправителя красовалось английское имя.

— Мое. Большое спасибо.

— Ухажер?

Цзян И не стал ни подтверждать, ни опровергать, вместо этого приподняв бровь:

— Директор Чжао, так что у вас за дело ко мне?

Чжао Минь тихо вздохнул:

— Добавь меня в WeChat.

Телефон Цзян И тут же звякнул, оповещая о новом запросе на добавление в друзья.

Знакомый до боли аватар — согнутый в ночном небе серп луны. Эту фотографию Чжао Минь сделал тогда, когда они тайком целовались в парке. Он тогда сказал, что Цзян И — его луна.

Пальцы Цзян И слегка задрожали. Он нажал кнопку принятия, и экран мгновенно перебросил его к самой последней переписке — к тому самому сообщению, что он сам отправил три года назад:

[Не удаляй меня из черного списка. Последнее время я безумно по тебе скучаю. Можем мы встретиться? Хотя бы на мгновение. Я купил билет на самолет в Китай, увидимся — и я буду вести себя послушно.]

Каждое слово словно превратилось в кинжал, снова и снова впиваясь в грудную клетку и напоминая, до чего же безответно и жалко он тогда себя вел.

Какая к черту луна, одни лишь мерзавцы.

Лицо Чжао Миня резко побледнело, он развернулся и бросился вон.

Вернувшись в свой кабинет, Цзян И вмиг лишился всех сил. Зажав в руке телефон, он даже не стал разблокировать экран, а перевел взгляд на затянутое пеленой дождя окно, позволяя мыслям рассеяться.

В те дни разлуки он чувствовал себя марионеткой на ниточках — без собственных мыслей и души, способной лишь ждать, пока эта нить дернется хоть раз, чтобы спасти его.

Дзынь.

Цзян И перевел дыхание, выпрямился в кресле и сделал глоток остывшего латте. Лед в стакане давно растаял, и приторная сладость молока вперемешку с кофейной кислинкой неприятно обволокла рот. Откашлявшись, он бросил:

— Войдите.

В кабинет вошел ассистент:

— Брат И, тут из отдела маркетинга человек по имени Ван Хуэй, хочет тебя видеть.

— Ван Хуэй? — это имя было слишком распространенным, и на всякий случай он переспросил:
— Говорит, твой старый знакомый, хочет угостить кофе.

Цзян И ненадолго умолк. Это был его сосед по комнате на бакалавриате, и стоило ему вернуться на родину, как старые воспоминания вновь всплыли перед глазами. Взяв телефон, он бросил:

— Сейчас пойду.

К тому моменту солнце выглянуло ярче, его лучи напрямую пробивались сквозь стеклянные окна, разливая в воздухе тепло. Цзян И окинул взглядом кофейню: в стороне за круглым столиком тихо сидел Ван Хуэй в строгом костюме. Перед ним стояли две чашки кофе, а сам он нервно теребил пальцами край стола.

Похоже, он пришел сюда вовсе не ради простых воспоминаний о прошлой дружбе.

— Старина Ван? — первым поздоровался Цзян И.

Ван Хуэй тут же поднялся на ноги. Похоже, он не знал, как теперь к нему обращаться, замялся на секунду, а затем выдавил:

— Давно не виделись, Четвертый.

В университетские годы в их комнате жили четверо, и Цзян И был самым младшим. Поскольку он спал на кровати под номером четыре, за ним автоматически закрепилось прозвище Четвертый.

— Садись, — с улыбкой произнес Цзян И. — Какой кофе ты взял? Надеюсь, не горячий, я горячее не пью.

— Ледяной, ледяной!

Ван Хуэй был родом из старых кварталов, и его сычуаньский говор звучал очень отчетливо. Цзян И так давно не слышал этого родного акцента, что дистанция между ними мгновенно сократилась. Бросив взгляд на бейдж собеседника с надписью «менеджер отдела маркетинга», Цзян И произнес:

— Давно не виделись. С каких пор ты работаешь на него?

Ван Хуэй вздохнул:

— Пару лет назад я остался без работы. Раньше занимался продвижением в крупной технологической компании, пахал до седьмого пота. А потом он со мной связался, и я перешел сюда. Условия хорошие. — Не дав Цзян И вставить и слова, он продолжил: — Ну а ты... он... вы?

Ван Хуэй знал об их отношениях с Чжао Минем. После того как они съехались, Ван Хуэй даже помогал им перевозить вещи, бывал у них в гостях, а когда провожал его до выхода, оглянувшись и с заминкой сказал, что любовь — это великая вещь.

Наверное, тогда он пытался выразиться вежливо и намекнуть на убогость их съемной квартиры.

Цзян И сделал вид, будто расслаблен, отпил кофе и обронил:

— Да всё по-старому. Я ведь и сам видел его впервые за долгое время.

В глазах Ван Хуэя мелькнуло изумление, и он проговорил:

— А я-то думал вы... Еще несколько лет назад он расспрашивал меня насчет оформления визы в США. Правда, с его недоумением после незаконченного бакалавриата это было непросто...

Цзян И сильнее сжал бумажный стаканчик и повысил голос:

— У него... незаконченное высшее?

— Разве это не во время вашего бурного расставания было? Не знаю уж как, но он запарол результаты какого-то крупного эксперимента и забросил это дело. Дипломную тоже писать не стал. Наверное, из-за тех событий... Ну он у тебя парень горячий, мог наделать глупостей.

Цзян И опустил стакан. Чжао Минь был кем угодно, но только не импульсивным человеком. Он придавал учею колоссальное значение и даже как-то говорил ему: «Как хорошо, что я смог вырваться из глухой горной деревушки наверх, и как хорошо, что у меня есть этот диплом...»

<http://bllate.org/book/25813/3085170>